

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 19-го Октября 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ къ № 9516.

М. К. Коchenовский.

Вновь избранный членъ Государственной Думы отъ Полтавской губ. (Съ фот. Хмѣлевскаго въ Полтавѣ.).

МИНІАТЮРЫ.

Пѣсня.

Колеса грохотали... поѣздъ выбивалъ мѣрный тактъ... „тра-та-та-та...“ Мелькали деревья, желѣзнодорожныя будки, столбы...

Данила поднялся, надѣль фуражку и, взявъ фонарь, вышелъ изъ купе. „Пойдемъ“, кивнулъ онъ толстому съ рыжими усами кондуктору.

„Вашъ билетъ...“ „Вашъ билетъ...“ выкрикивалъ голосъ Данилы. Щипцы щелкали, билеты снова возвращались.

Въ вагонѣ было душно. Пассажиры сидѣли молча, съ какимъ-то безразличнымъ, застывшимъ выражениемъ. Дѣло-ли, похороны или веселье тянули ихъ куда-то, разобрать было трудно, „Такъ себѣ Ѳдуть“, сказалъ-бы кто-нибудь, глядя на эти лица. Здѣсь были и расфуфыренные бары, и неуклюжіе купцы, и студенты. Какой-то, повидимому, мелкій торговецъ спалъ, сидя на большомъ узлѣ.

Данила прошелъ дальше... „Вашъ билетъ...“

Изъ сосѣдняго отдѣленія доносилась хриплая, жиidenккая скрипка.

„Играть въ вагонѣ нельзя“, мелькнуло у Данилы, „дойдемъ, скажу ему“. „Господа, билетики приготовьте... Скрипка ныла, обрывалась... Звуки были неувѣренны, но сквозь нихъ слышалась тоска и скорбь. Это была одна изъ тѣхъ русскихъ пѣсень, которая охватываетъ и уноситъ своимъ не-поддѣльнымъ, задушевнымъ мотивомъ. Правда звучала въ ней. Сложена она Богъ вѣсть кѣмъ и для чего, никто о ней не знаетъ... но нужна она многимъ...

Данила остановился. Звуки ворвались въ его душу; наполнили ее...

„Играть въ вагонѣ нельзя...“ Онъ облокотился о дверь. Пѣсня сначала робкая, становилась все тверже, она уже лилась широкою волною звуковъ... то таяла въ безконечныхъ переливахъ, то вдругъ возрождалась высокой трелью, чтобы затѣмъ снова замереть...

Много воспоминаній вызвала эта пѣсня, такихъ, которымъ, кажется, никогда-бы ужъ не проснуться. Деревня, родная поля представали предъ глазами Данилы; самъ онъ, молодой, красивый, здоровъемъ пышетъ отъ его статной фигуры. Домъ съ покривившимся крылечкомъ выходить въ садъ. Гдѣ все это?.. Вспомнилась ему и та ночь, когда все село обратилось въ горящій факель, и къ утру обитатели до послѣдняго разбрелись въ разныя стороны искать работы. Съ тѣхъ поръ онъ не видаль Маруси. „Гдѣ она, помнить-ли? чай, забыла и поди ужъ замужъ вышла. А старики... живы-ли?...“

А. П. Старицкий.

Вновь избранный членъ Государственной Думы отъ Полтавской губ. (Съ фот. Фриденталя въ Полтавѣ.).

Митрофанъ Кирилловичъ Натериничъ,
новый харьковскій губернаторъ.

Пѣснь лилась. Данила слушалъ, и казалось ему, не стоитъ онъ, а несетъ съ нею далеко, далеко въ высь... ничего не видѣлъ, глаза застилало... слеза за слезой поползли по его блѣднымъ щекамъ...

Въ полумракѣ вагона онъ сталъ различать какіе-то контуры. Это была фигура генерала. Брови его ходили, нижняя губа оттопырена. „Кондукторъ, послушайте... скажите тому субъекту... здѣсь не мѣсто...“ „Да, да, ваше превосходительство, не мѣсто...“ Данила засуетился. „Послушайте, въ

вагонѣ играть нельзя“. Данила тронулъ его за рукавъ. Онъ не слышалъ. Блѣдное лицо его было грустно, но глаза свѣтились тихой улыбкой. Длинные волосы ниспадали на плечи. Свѣтъ фонаря освѣщалъ его фигуру. Данила остановился. Ему казалось, что, тронувъ музыканта, онъ разрушитъ что-то высокое... моментъ, можетъ быть, единственный въ жизни, пройдетъ навсегда...

— Что-же вы? окликнулъ сердито генералъ.

— Да, да, сейчасъ,—спохватился Данила,—„послушайте, въ вагонѣ играть нельзя“. Онъ взялъ его за плечо. Тотъ остановился, опустилъ смычекъ и посмотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ Данилу; затѣмъ всталъ и отвернулся, онъ клалъ скрипку въ футляръ. Лицо его было блѣдно, но недавнее выраженіе грусти прошло.

Данила не могъ говорить.

— Послушайте, началь онъ едва слышно...

Музыкантъ оглянулся.

— Нѣть, ничего... я такъ... Онъ чувствовалъ, что надо сказать что-нибудь музыканту, объяснить ему...

— Пойдемте, проговорилъ кондукторъ съ рыжими усами.

„Вашъ билетъ...“ странно зазвучалъ среди тишины вагона голосъ Данилы.

Они вышли на площадку. Надо идти въ слѣдующій вагонъ; а поѣздъ все летѣлъ... мимо мелькали деревья, столбы и желѣзнодорожныя будки...

Берлинский конгрессъ 1878 г.

Бар. Гаймерле. Гр. Леоне. Вадингтонъ Гогенлоэ. Гр. Корти. Гр. Мони. Бухеръ. Фонь-Гольштейнъ.
Гр. Кароли. Кл. Горчаковъ. Биконефильдъ. Гр. Сен-Вилье. Бисмаркъ. Д-ръ Бушъ. Лордъ Россель. Каца Теодори-
Радовицъ. Бар. Убри. Адрианъ. Гербертъ Бисмаркъ. Фонь-Бюловъ. Наша.
Депре. Графъ Шуваловъ. Мехмедъ-Али-Наша.

II. Для искусства.

Шестаковъ вернулся въ свою уборную. Три раза онъ выходилъ, но крики и рукоплесканія заставали его и здѣсь. „Ше-ста-а-ковы!“ тянуль откуда то изъ подъ небес чудовищный басъ.

— „Къ черту, побѣсятся и угомнятся“, проговорилъ онъ, садясь въ мягкое кресло. Въ дверь просунулась лысая, старческая голова. „Шестаковъ, браво, выходите—просить, публика просить“, „Ну вѣсъ, подавитесь ею“. Голова спряталась.

Онъ усталъ. Въ эти минуты хорошо ни о чём не думать. Публика, игра, успѣхъ—всѣ эти представленія смѣшиваются въ какомъ-то безразличномъ хаосѣ и проявляются въ формѣ тупой застывшей мысли.

— „Шестаковъ, можно къ взмъ?“ раздался за дверью голосъ молодой артистки.

— Зачѣмъ?

— Видѣть вѣсъ.

— Это вы всегда успѣете.

— Смотрѣть на вѣсъ.

— Можете на карточку. Въ фойе ви-
ситъ.

— Я приду къ взмъ послѣ своего выхода. Легкіе шаги ея затихли.

Снявъ гимнъ, Шестаковъ отѣль халатъ, туфли и расположился у чайного столика. Ему было пріятно не чувствовать на себѣ взглядовъ и уйти въ самаго себя. Дымъ сигары наполнилъ уборную пріятнымъ ароматомъ.

Шестакова только недавно сочили талантъ. Публика его любила за искреннюю и обдуманную игру, актеры уважали въ немъ интеллигентнаго человѣка и доброго товарища. Какъ ни тернистъ былъ подчас путь его, Шестаковъ проходилъ его,

вѣръя въ самого себя и въ искусство, которому служить. „Искусство для искусства“ читалъ онъ часто написанный имъ же самимъ аншлагъ надъ зеркаломъ. Многіе изъ товарищей, искоса и улыбаясь, посмотрѣвали въ ту сторону, гдѣ раньше красовалось: „Просять не курить“. „Э, матушка, куда заѣхалъ“, говорили ихъ лица.

Въ комнату поступали. „Войдите“. Это была Лидина. На ней было бальное платье съ пышными розами. Глаза ея горѣли. Грудь тяжело подымалась. „Все прошло великолѣпно, публика неистовствовала, вызывала ее соло среди дѣйствія“.

Она сѣла противъ Шестакова въ кресло. Шестаковъ курилъ. Лидина посмотрѣла въ зеркало и поправила прическу.

— Шестаковъ, скажите, отчего вы такои...

— Какой?

— Странный.

— Самый обыкновенный.

Она подошла и взяла его за руку.

— Неправда, вы просто жестоки, вы играете мною, это нехорошо...

Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее.

Лидина волновалась, слезы ее душили.

— Я знаю, я ничто, я недостойна, но не я первая, не я и послѣдняя, всѣ мы артистки такія..

Я лучше изъ актрисъ, я—красавица, я все теперь отдаю вамъ, и любовь, и имя... Я бы вамъ не сказала ни слова, если бы могла.

Шестаковъ побѣднѣлъ. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Лидина прижалась къ стѣнѣ и боязливо смотрѣла на него. Наступи-

ло молчаніе, лишь изрѣдка прерываемое голосами со сцены.

— Ничего я вѣдь не скажу, тихо

произнесъ Шестаковъ и отошелъ къ шкафу съ книгами.

Лидину что-то душило. Она не понимала, хотѣла идти, ноги не слушались; она подняла платокъ, удивленно оглянулась и пріоткрыла дверь.

Собственное изображеніе казалось ей въ зеркаль какимъ-то страннымъ.

Вы гордость труппы, красавица, вы лучшая артистка, но вы не артистка. Вы, кажущаяся могучей на сценѣ, не можете себя побѣдить и хоть на день стать такой, какой должны быть, и потому уже вы не актриса. Воспитывая въ себѣ художника, нужно воспитывать и себя самого, ибо жалокъ человѣкъ, который не воленъ надѣть себѣ. Для меня искусство только для искусства, можно любить и человѣка, но своей, особой любовью, а не искать одно въ другомъ и оправдывать первое послѣднимъ. Я раздѣляю понятія любви и сцены и общаго имени для нихъ не ищу.

Лидинъ молчала.

— Я удивлю васъ потому, что я, первый на пути вашемъ, во имя

искусства прошу, обойдите меня и забудьте на вѣки.

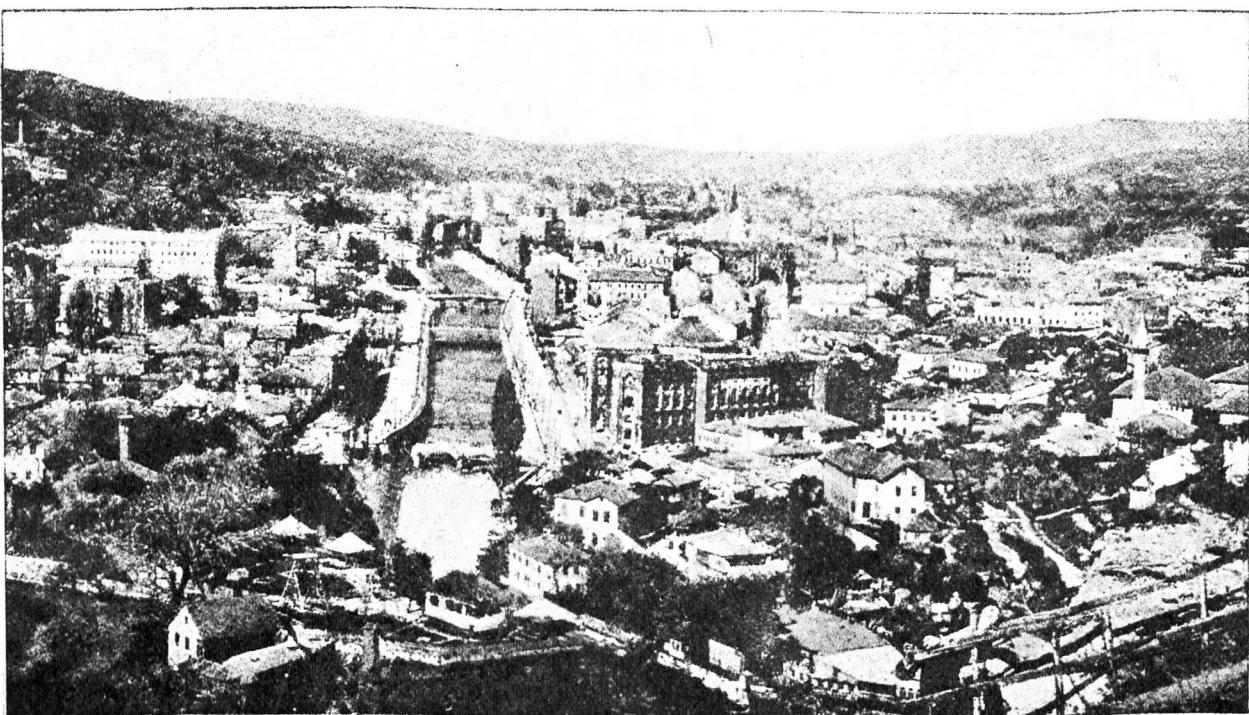
Она тихо вышла.

Шестаковъ закурилъ сигару и сталъ просматривать завтрашнюю роль. Черезъ нѣсколько минутъ за кулисами кто-то пробѣжалъ, послышались голоса, смѣтенье.

Помощникъ режиссера съ искаженнымъ лицомъ и растрепанными волосами влѣтѣлъ въ уборную.

— Лидина отравилась. „Среди акта отравилась“.

Онъ побѣжалъ дальше.

Сараево.
Столица Боснії.Городъ Яице.
Самое красивое мѣсто въ Боснії.Мостаръ.
Столица Герцеговины.

Шестаковъ не понималъ; онъ машинально поправилъ надъ зеркаломъ наклонившееся на бокъ объявление и боязливо оглядывался вокругъ. Ему казалось, что именно это и должно быть, все такъ и нужно, всѣ знали, и онъ зналъ, „Лидина отравилась“. „Онъ ее не любить“. „Она его тоже не“...

Здѣсь онъ не договорилъ. Все, казавшееся обыкновеннымъ и простымъ, начало расплываться и слагаться во что-то другое. Онъ задумался. Эта фраза опоздала, она лишь впервые пришла на умъ. Онъ старался все вспомнить, возобновить до подробностей, объяснить, растолковать себѣ...

Одна изъ розъ у зеркала напомнила ему ея взглядъ, когда она, какъ звѣрекъ, прижалась къ стѣнѣ и, затаивъ дыханіе, ждала. Что-то ударило въ

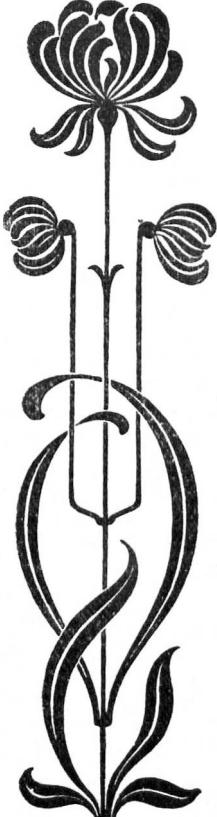
голову. Онъ не могъ владѣть собою. Тяжелыя слезы подступали къ горлу. „Оставила, для искусства оставила“, шептали его воспаленные губы. Онъ схватилъ себя за голову и судорожно зарыдалъ.

СМѢСЬ.

Ожиданіе кометы.

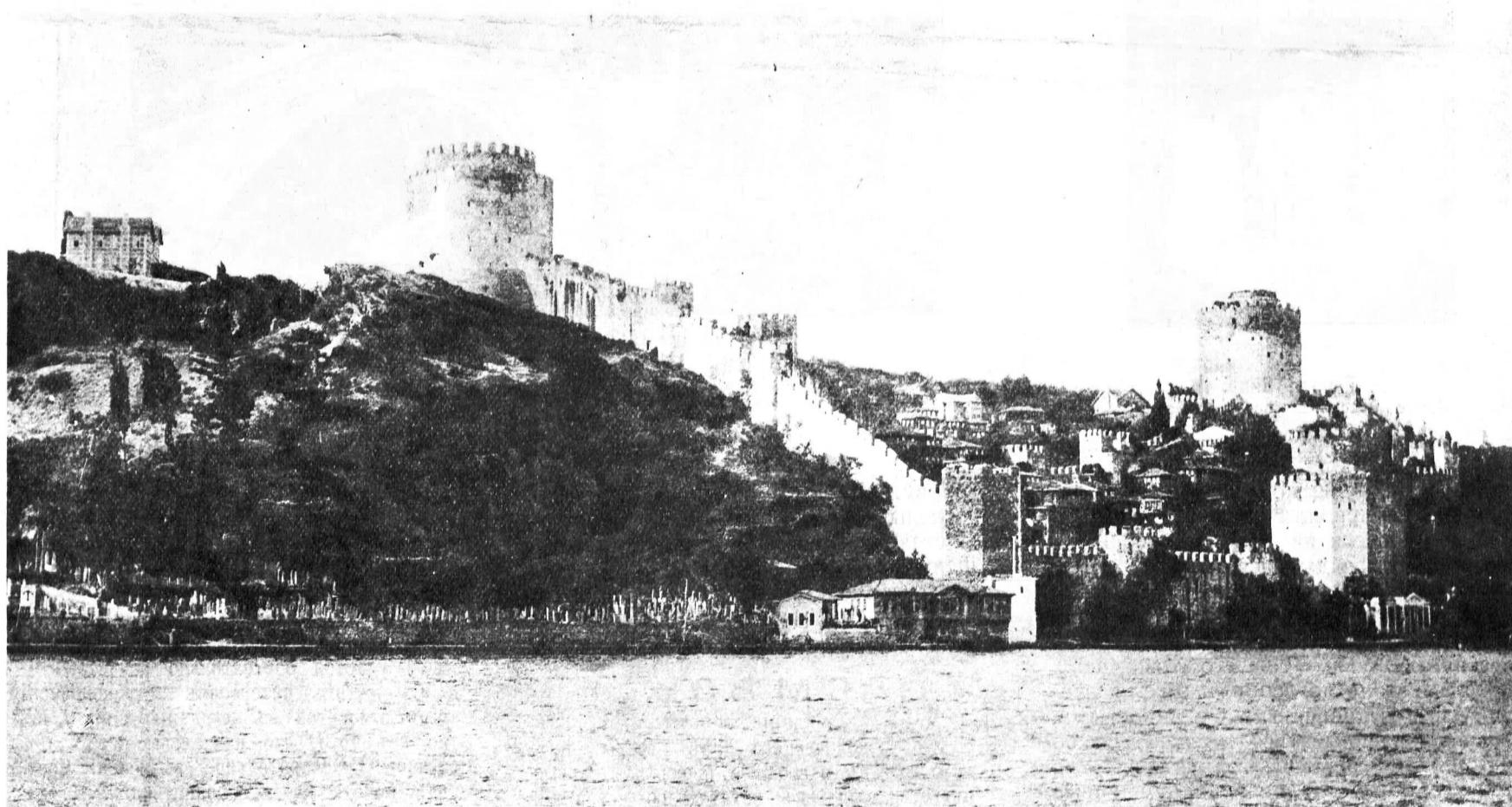
Въ астрономическомъ мірѣ Европы происходятъ въ настоящее время дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ во всеоружіи науки кометы Галлея, приближающейся къ землѣ кажды 75 лѣтъ.

Въ послѣдний разъ комета эта видна была съ землѣ въ 1835 году. Теперь ее ожидаютъ въ 1910 г. Но отблески ея, по утвержденію астрономовъ, будутъ видны уже съ октября мѣсяца этого года.

Труппа харьковского городского театра, съ драматургомъ В. А. Рышковымъ во главѣ.
(Съ фотографіи „Moderne“).

Румели Гиссаръ на Босфорѣ.
См. статью профессора Краснова въ „Южн. Кр.“.